

**Анатолий
Алексин**
Домашний совет

ФТМ

Х.И.В.

Анатолий Алексин
Домашний совет

«ФТМ»

1980

Алексин А. Г.

Домашний совет / А. Г. Алексин — «ФТМ», 1980

ISBN 978-5-4467-2623-3

Юные герои Анатолия Алексина впервые сталкиваются со «взрослыми», нередко драматическими проблемами. Как сделать правильный выбор? Как научиться понимать людей и самого себя? Как войти в мир зрелым, сильным и достойным человеком?

ISBN 978-5-4467-2623-3

© Алексин А. Г., 1980

© ФТМ, 1980

Анатолий Алексин

Домашний совет

Это заседание нашего семейного совета можно было назвать чрезвычайным. В прошлом не могло быть такого заседания. Не могло оно состояться и в будущем, потому что совет, учрежденный мамой, прекращал свое существование.

Прекращал существование... Эти два слова несли в себе трагическую определенность, но и таили неизвестность: «А что дальше?» Мне внушали, что в жизни моей ничего не изменится. Бессмысленность этих заверений лишь обостряла тревогу.

Надежду свою я, покидая последний совет, видел в Ирине. «У нас-то с ней все прояснилось!» – думал я, вливая в себя успокоительное лекарство.

* * *

А все прояснилось в тот день, когда меня укусила ее собака по кличке Лучший друг человека. Черный пудель приревновал Ирину ко мне. Лучший друг человека обладал уникальным нюхом. К тому же у него была золотая медаль. И он имел основание поглядывать на меня свысока, поскольку я, в ту пору девятиклассник, на золотую медаль не рассчитывал.

Кличка у пуделя была чересчур длинной и потому имела сокращенный вариант: ЛДЧ. Уже при упоминании первой буквы своего имени медаленосец пружинисто делал стойку, будто перед ним возникала кошка. Такая у него была сила предвидения!

Затем Ирину приревновал я сам. К своему брату Владиду... Правда, лишь ненадолго.

Мы были близнецами, но Владик появился на свет двумя минутами раньше и потому считал себя старшим братом. Я не возражал: ощущать себя старшим, или, точнее сказать, главным, было его постоянной потребностью.

Мой брат Ирину хронически раздражал:

– Он хочет соответствовать имени Владик: завладеть всем. И даже, представь себе, сердцем. К примеру, моим.

– Твоим? – растерянно переспросил я.

– Пытается завоевать... Но я презираю завоевателей. Передай ему!

Ирина, мне казалось, раз и навсегда определяла для себя, что она любит, а что или кого презирает. В этом я видел не только цельность характера, но и его опасность: безнадежно было подавать апелляцию и надеяться на пересмотр приговора.

– Передай ему: завоевателей презираю! – повторила она.

– Он со мной на эту тему не разговаривает.

– И со мной он формально беседует на другие темы. но фактически...

– А где он с тобой... беседует?

Я всегда старался защищать своего старшего брата. Но тут впервые не нашел оправдательных слов.

– Ты ревнуешь? – спросила она так прямо и просто, что я ответил:

– Ревную.

И даже расстегнул ворот рубашки, потому что трудно стало дышать.

– Так запомни! Если бы мне, Саня, предложили выбор: остаться навсегда одинокой или быть с твоим братом, я бы, не задумываясь, предпочла судьбу старой девы.

Я снова принялся защищать Владика.

После нашего почти совместного появления на свет мы с братом сразу же ощутили, что такое полное равноправие. Мама нас одинаково одевала и обувала, в одни и те же часы

кормила нас и поила, мы спали в одинаковых кроватках и садились на одинаковые горшки. Но оказалось, что все это еще не делает людей одинаковыми.

«Какой рослый мальчик! Сколько ему лет? Всего-то? Не может быть! И какой красивый: копия матери...» – упрямо восторгались мною взрослые, хотя мама взглядами и подмигиваниями умоляла их этого не делать. Случалось, что в ответ они разочарованно продолжали: «А это брат? Близнец? Что вы говорите? Ну ничего общего! В родильном доме не могли перепутать?»

Я ненавидел эти восклицания и вопросы. А Владик ненавидел меня.

Точнее было бы называть нас двойняшками, поскольку мы и правда были непохожи друг на друга. Но все называли близнецами...

Мама с пеленок внушала нам, что для мужчин («Уж поверьте мне, женщине!») внешние данные решающего значения не имеют, что главное – это ум и душевные качества. Она сообщала, что многие выдающиеся личности были отнюдь не выдающегося телосложения. Владика она утешала, а меня воспитывала. И мы с ним хорошо понимали это.

Потом она начинала объяснять, что зависть – возбудитель чуть ли не всех пороков и низостей, и если один человек – растет, другому от этого не может быть хуже, ибо никто на свете не растет за «чужой счет». Тут уж она воспитывала старшего брата. И мы опять с ним все понимали. Мама усиленно пыталась сделать двух братьев *братьями*. И, руководствуясь именно этой целью, учредила семейный совет.

Его открытие состоялось у нас дома, на кухне после елочного праздника в детском саду. Мне на том празднике поручили роль «доброего молодца», который должен был не только читать стихи, но и петь, потому что у меня, как назло, еще и «голос» обнаружился. Я сказал, что отказываюсь петь и читать, если в представлении не будет участвовать Владик. Ему доверили бессловесную роль «ежа».

– Он создан для этой роли, – тихо сказала музыкальная руководительница.

Но я услышал и возмутился:

– Откуда вы знаете?!

Мой вопрос до того восхитил музыкальную руководительницу, что она произнесла перед старшей группой детсада речь на тему: «Человек человеку – брат!»

Владик после этого отказался выступать в роли «ежа».

– Заботой, Санечка, можно осчастливить человека, а можно обидеть, – сказала мама, когда мы с ней оказались вдвоем. – Громкое самопожертвование – не добро, а реклама добра!

Она разговаривала с нами как со взрослыми. И мы, стремясь оправдать доверие, должны были понимать.

Мама обожала нас купать. Она намыливала своих близнецов без мочалки, рукой, будто ласкала нас. Заодно она использовала уединение с каждым из сыновей в ванной комнате для индивидуального воспитания. Потом отец бережно, будто в простыню была завернута ценная, легко бьющаяся посуда, относил нас в наши одинаковые кроватки.

Родителям очень хотелось, чтобы мы с братом были во всем «абсолютно равны». Борьба за равенство имеет, однако, разные приемы и формы... В канун елочного праздника мой костюм «доброего молодца» был облит фиолетовыми чернилами.

– Зачем ты это сделал? – спросила Владика мама.

– Я не сделал... Это нечаянно получилось.

Все у него было узкое: лицо, губы, металлические ободки очков, которые он носил, чтобы исправить детскую дальнозоркость. Этой болезнью мой брат очень гордился: умный человек и должен быть дальнозорким.

В то время мы с братом учились писать. Освоив пять первых букв, я ждал, пока их освоит Владик. Уже тогда я начал бояться хоть в чем-нибудь обогнать его. Он становился моим постоянным «ограничителем скорости». Позже, через многие годы, его так назвала Ирина.

– Но зачем тебе понадобилось наполнять чернильницу прямо над стулом, где висел Санин костюм?

– Пусть вешает в шкаф.

Я не знал, да и сейчас не припомню ни единого случая, когда бы Владик признал себя виноватым. Он всегда и во всем был прав. В этом тоже состоял один из *его* приемов битвы за равенство.

Я сыграл «доброего молодца» в обычном костюме.

– Его не надо гримировать, наряжать! – произнесла Свою очередную речь музыкальная руководительница. – Он может играть самого себя. Потому что он добрый и потому что он молодец!

Зрители осыпали нас серпантинном и аплодисментами. Не хлопал только мой старший брат. Мама наклонилась к нему и что-то сказала. Но Владик все равно не захлопал: он боролся за равенство.

Вечером наш семейный совет собрался на первое организационное заседание. Мама сообщила, что отныне мы будем все сложные вопросы решать сообща.

– Мы будем добиваться душевного единогласия.

– Необходимо единогласие? – переспросил отец. И с грустной улыбкой добавил: – Почти как в Совете Безопасности.

– Это и будет совет безопасности... нашей семьи, – вменила мама. – Семейный или домашний. Можно и так и так...

Родители ни словом не обмолвились о причине рождения нового органа власти: ничего не сказали о моем костюме, обликом чернилами. Им не хотелось, чтобы совет начинал свою жизнь с конфликта. Деликатность в общении друг с другом и со всеми остальными людьми давно уже стала для них законом, который, как всякий настоящий закон, не был подвластен обстоятельствам.

* * *

Через десятилетие, покидая наш последний домашний совет, я думал о том, что родители мои, по привычке мысленно сговорившись, долго проводили некий эксперимент, хотели доказать, что можно, не напрягаясь, прожить под одной крышей без ссор и скандалов.

Ко всякому дерзкому эксперименту вначале относятся подозрительно. Даже близкие друзья дома настаивали:

– Должны же вы хоть когда-нибудь хлопнуть дверью, обижаться, не разговаривать!

Это было похоже на утверждение, что человек непременно должен болеть. Хоть изредка, но обязан.

– Одноименные нравственные заряды – и ни милейших отталкиваний! – изумился кто-то из наших соседей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.